

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» И МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИИ

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия
e-mail: zinaidachekantseva@gmail.com

Ключевые слова: История памяти, модели истории, историческая политика.

Аннотация. Современные исследования памяти показали, что привычное противопоставление истории и памяти утратило свое значение. Более того, способы «присвоения прошлого», формирующиеся в триаде история/память/политика определяют характер моделей истории, принятых в социуме.

В психологии память имеет индивидуальную природу.¹ Однако французский социолог Морис Хальбвакс (1877-1945), ввел в науку идею коллективной памяти. Его монография «Социальные рамки памяти», вышедшая еще в 1925 году, оказалась широко востребованной в гуманитарных науках последних десятилетий. Хальбвакс показал, что в сознании отдельного человека запоминание и припоминание фактов обусловлено во многом «рамками», которые конституируются социумом (речь, представления о пространстве и времени и т.д.). «Коллективная память», считал Хальбвакс это особые формы «присутствия прошлого» (традиции, «понятия», «школьные знания», «символы» и проч.), которые формируются и живут в недрах социальных институтов и коллективов (семья, школа, религия, класс). Размышляя о динамике этих форм, социолог, опережая свое время, выходил в ту область исследований, которая сегодня связана с проблематикой культурной памяти.

Хальбвакс положил начало социологическому исследованию памяти. И, по сути, все новые подходы к этой теме, разработанные за последние 80 лет, сформировались в полемике с его идеями. Французский историк Марк Блок, в рецензии на его книгу, опубликованную в том же 1925 г. критиковал Хальбвакса за антропоморфизм в представлениях о коллективной памяти, обратив внимание на то, что речь должна идти не о том, что группа имеет память подобно индивиду, но о том, что все мемориальные процессы представляют собой «факты коммуникации».³

Сегодня тема памяти занимает очень большое место в гуманитарном дискурсе. Она привлекает внимание не только социологов, но историков, литераторов, антропологов, психологов, философов, биологов. Наиболее интересные подходы к изучению памяти возникают на пересечении этих дисциплин, в особенности, на стыке с нейропсихологией. По наблюдению Пьера Нора в последние тридцать лет мы живем в «мемориальную эпоху». Этот интерес к феномену памяти определяется прежде всего существенными трансформациями современного мира и связанными с ними экзистенциальными потребностями людей. Обычно называют в числе таких трансформаций небывалое ускорение времени и новую роль социума.

Надо сказать, что историки довольно поздно обратили внимание на феномен памяти, полагая вслед за Хальбваксом, что память не имеет ничего общего с историей, более того она противоположна ей. Но так случилось, что именно историки внесли

значительную лепту в осмысление феномена памяти. В частности, они показали на конкретном материале, что за последние несколько веков во взаимоотношениях истории и памяти произошли значительные перемены.⁵

Схематично вехи этих перемен можно представить следующим образом:

- В Средние века - история подчинена памяти (занятия историей включены в мнемонические практики).

- XIX веке - история стала научной дисциплиной и институтом, находящемся на службе государства-нации. Такая история считалась носителем единственной исторической «правды» и в таком качестве она подмяла под себя память. В этой модели истории "чистое" знание о прошлом и всегда "нечистая" память считались несовместимыми.

- В XX веке, в ходе которого память в качестве объекта изучения постепенно стала втягиваться в историописание, родилась другая модель истории. Кульминацией ее формирования была интеллектуальная революция 70-80 гг. в западном гуманитарном познании, включая историографию. Пьер Нора, выступая в Институте всеобщей истории РАН на международном круглом столе «История, историки и власть» в январе 2010 г. сказал: «С 1970-х по 1990-е гг. мы стали свидетелями удивительного расширения и даже революции в историческом сознании и познании... Память придала истории новый импульс, обновила подходы к прошлому и проникла во все периоды и отрасли исследования».

Из этой революции историческая наука вышла радикально обновленной. Она говорит на другом языке и служит теперь не столько государству-нации, сколько обществу и культуре. Более того, сегодня она все активнее пересекает национальные границы, пытаясь создать новую «всеобщую» историю Европы и мира, свободную от европоцентризма и способную выдержать испытание на «истинность» на «формирующемся рынке мировой памяти» (так французский историк Патрик Гарсия назвал процесс интернационализации памяти). Есть основания полагать, что это более зрелая наука, соответствующая сложностям современного мира и постоянно возрастающей трудности совместного проживания людей. Возможно, главное заключается в том, что ныне историки более чем когда-либо озабочены сохранением интеллектуальной честности и более открыты к новому опыту и миру.

Разумеется, в процессе формирования этой новой модели истории задействовано множество процессов и факторов. В прошлом веке национальные идентичности подорванные мировыми войнами были заменены социальными идентичностями. Это было время проблематизации национальной модели. Появились мощные движения эмансипации социальных групп, каждое из которых требовало своей памяти и своего признания нацией. Постепенно «национальная память» стала вытесняться памятью групповой. Это предопределило изменение взаимоотношений между *памятью* и *историей*.

Стало ясно, что память и история всегда тесно переплетены друг с другом, что память это не просто отражение «прошлого», но сложный процесс, происходящий в настоящем. Сегодня, когда историк теряет свое некогда монопольное право на интерпретацию прошлого и делит эту территорию с журналистами, политиками, литераторами, юристами, общественными организациями, любая история становится «историей во второй степени», то есть историей переосмысления всех состоявшихся репрезентаций исследуемого феномена. В этой модели истории единицей анализа

"прошлого" является «факт коммуникации», историческое представление, оформленное как высказывание и вынесенное в поле общения.⁶

Наряду с содержательным и формальным анализом исторического высказывания, которые не всегда дают убедительные результаты, историки все активнее прибегают к прагматике, т.е. пытаются анализировать восприятие и воздействие такого высказывания. В эпистемологии это явление получило название перформативного или прагматического поворота. Напомню, что Джон Остин разделил в свое время все речевые акты на констативы, воплощающее в себе некоторое положение дел, и перформативы (высказывания, вносящие в жизнь изменения, причем не обязательно такие, какие имел в виду говорящий). Позже филологи показали, что во всяком высказывании соединяются обе функции (что еще больше усложняет анализ).

Историки уже много сделали для изучения исторических явлений в разных хронотопах, учитывая перформативную природу высказываний и действий в разнообразных контекстах. И здесь обнаруживаются очень интересные вещи. Например, одно дело рассказать «внешнюю» материальную историю Храма Христа Спасителя в Москве (построен при Александре I, разрушен в 1931, восстановлен при Ельцине) и совсем другое попытаться осмыслить эту историю как символическое место национальной памяти, выясняя смыслы, которые вкладывали в события, связанные с храмом его строители/разрушители/восстановители, и как это воспринималось современниками и воспринимается сегодня разными социальными группами. В ходе такого изучения помимо прочего, выясняется, что *исторический материал* в реальной жизни является одновременно и научным и эмоциональным аргументом. Именно это обстоятельство объясняет то, что использование «прошлого» может быть как политически эффективным, так и наоборот неэффективным.⁷

Интеллектуальные историки убедительно показали наличие идеологического измерения во всех исторических текстах. Связано это не только с ангажированностью историков и внешним давлением на них, но и с невозможностью устранить субъективность историка из написанного им текста. Другими словами, это связано с конструктивистской природой исторического познания. Это означает, что политика присутствует во всех моделях истории. Разница заключается в том, что в «новой модели» историки, принимающие конструкционистскую установку, более изобретательно изучают в междисциплинарном режиме связи исторического/мемориального и политического. Кроме того, историки, работающие в русле новой модели историописания, перестали считать себя жрецами Клио, носителями единственно верной интерпретации. Плюралистическое видение истории в этой модели - норма. Более того, произошло радикальное "уравнивание в правах" собственно научного, "высокого" знания и «знания», находящегося за пределами науки, причем не только в сферах философии, теологии, искусства, но и в царстве обыденного "общего смысла", с которым в традиционной исторической модели не очень считались.

Память изучают историки разных стран, но это изучение происходит в разных контекстах. Поэтому его характер и результаты отличаются разнообразием. Наибольших успехов в исследовании феномена памяти, по общему мнению, добились французские историки. Активно работают специалисты других европейских стран (Германия, Англия, Испания, Италия, страны восточной Европы), а также ученые других континентов.

В гуманитарном дискурсе нашей страны тема памяти присутствует. Идет большая теоретическая работа, связанная с осмыслением взаимоотношений в триаде история/память/политика. Обсуждаются концепты, уточняются подходы, проводятся научные мероприятия. Особенно много делается в рамках Всероссийской ассоциации интеллектуальной истории, президентом которой является член корреспондент Российской академии наук Л. П. Репина. Появились замечательные конкретно-исторические исследования, которые вполне вписываются в новую модель истории. Одним словом, перемены в понимании феномена памяти и его связей с историей происходят, хотя, медленно и даже драматично. Внушает оптимизм то, что такие историки, как И.Н. Данилевский не только пишут убедительные и доступные массовому читателю конкретно исторические исследования в русле новой модели истории, но и учебники для детей. Потому что взрослые люди, в том числе люди, принимающие властные решения, чаще всего в своем отношении к истории пребывают во власти стереотипов мышления, сформированных еще в школе. И все же в современной России (как и на всем постсоветском пространстве), до сих пор доминирует традиционная модель истории, утвердившаяся в XIX веке. Так же как и в советское время, память об исторических событиях скорее служит легитимации политического режима, нежели имеет непосредственное отношение к истории. Контроль над прошлым остается необходимым условием контроля над настоящим. Материалов, подтверждающих это наблюдение много, в том числе в Интернете.¹⁰ Причина, видимо, в том, что долгие годы интеллектуальной изоляции вынуждают нас и сегодня работать в догоняющем режиме. Это характерно не только для историографии, но и для всего корпуса социальных наук. Вот почему, для того чтобы конкретизировать предложенную схему, я чуть подробнее расскажу, как происходила в XX веке смена одной модели истории на другую во Франции.

Уже в период глубокого мировоззренческого кризиса между двумя мировыми войнами французские историки постепенно стали отходить от представлений об истории как способе легитимации государства-нации и обратили внимание на общество. Изучая ментальности, т.е. присутствующей в жизни любого социума «эфир», который формируется в повседневной практике людей и одновременно формирует эту практику, они осознали необходимость пересмотреть взаимоотношения памяти и истории.¹¹ Особенно важную роль здесь сыграло изучение коммеморативных практик, праздников, ритуалов, церемоний, образов, представлений и проч. Вскоре они поняли, что память повсюду. И хотя она не обладает подлинной объяснительной силой, ее изучение может быть полезно в процессе выявления и артикулирования связей между культурным, социальным, политическим, между представлениями и социальным опытом.

Кризис модели истории, получившей название «национального французского романа», некогда созданного Лависсом, проявился в утверждении после 1968 г. «альтернативной памяти» отдельных регионов, памяти рабочих, крестьян, «устной» истории, изучающей воспоминания «безымянных», забытых или репрессированных групп, не оставивших письменных свидетельств. Важной особенностью утверждения истории памяти стало ее превращение в важнейший компонент коллективных репрезентаций группы, которые всегда зависят от нужд и чаяний настоящего. В этом смысле, любая история памяти есть история использования прошлого в настоящем.

Знаменитый проект П. Нора «Места памяти», в котором приняли участие 109 самых известных французских историков, был ответом специалистов на мемориальный бум.¹²

Начиная со второй половины 1970-х годов, память становится важнейшим объектом исторического исследования. Историки обратились к изучению мнемонических техник, не только в прошлом, но и в таких современных культурных практиках как автобиография, психоанализ, коммеморация. В целом история современности стала занимать все более важное место в исторической профессии. Институционально это воплотилось в создании Института настоящего времени (1980 г).

Все больше внимания историки стали уделять проблемам риторики. Их интересовала, в частности, способность языка формулировать идеи, а также то, каким образом риторические формы могут использоваться в политике. Изучая историю коммемораций, они стремились показать, как использовали коммеморативные ритуалы и памятники те, кто этим занимался. Другими словами историки интересовались памятью как средством мобилизации политической власти и пытались понять риторику и природу пропаганды. Постепенно стало ясно, что работа с памятью, ее историзация обогащает усилия историков по осмыслению "прошлого". Возникли представления об альтернативных возможностях толкования истории. Под вопрос был поставлен европоцентризм (историки открыли другие миры), усложнилось понимание наследия.

Осмысливая память как важный инструмент социальной связи, французские историки стали пристально вглядываться в традиции изучения истории. Историческая профессия осознала необходимость исследования того, что Хальбвакс назвал исторической памятью. Родилась история историков, т.е. историография, понимаемая не как «идеологическое оружие» (так было в Советском Союзе), но как историческая эпистемология, занимающаяся исследованием природы и процедур «историографической операции». Важным объектом интеллектуальной истории стала «политика памяти», понятая как власть стереотипов мышления, воздействующих из прошлого на настоящее. Другими словами, историки убедительно показали властную природу самих историографических концептуализаций. Один пример. Мы все знаем, что национальный праздник французов 14 июля. Но большинство людей, изучающих историю в советской школе, т.е. в русле революционной традиции, уверены до сих пор, что они отмечают день взятия Бастилии. Между тем праздник был установлен республиканцами в 1880 г. в связи с Праздником федерации, который отмечался в период французской революции как день Республики. И современные французы отмечают день Республики.

Такое понимание «политики памяти» чаще всего игнорируется перед лицом другой политики, подразумевающей стратегию использования образов прошлого в настоящем и их включение в планы будущего (имплицитную или эксплицитную). Разумеется «политика памяти» связанная с политической стратегией тоже существует и ее надо учитывать. Ее воплощением, в частности, является так называемая «официальная история», существующая в большинстве стран. Но надо отдавать себе отчет в том, что эта «официальная версия» отнюдь не является лишь проявлением волюнтаризма политиков (хотя это тоже имеет место). Однако историки, исследующие феномен памяти пытаются выявить и показать глубинные основы «официальной исторической политики». Важнейшим направлением такого поиска стало изучение историографических традиций и современных культурных практик. В частности, ученым удалось показать, что именно на пересечении культуры памяти и культуры

производства исторической продукции формируется модель истории в конкретном социуме.

Во Франции, как и в других странах, давление на историю и историков сохраняется. У французских президентов по конституции 1958 г. есть право вмешиваться в решение исторических вопросов. Более того в последнее десятилетие это вмешательство усилилось. Однако, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в развитых странах принимаются, как правило, в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы. Так, французский миф о Сопротивлении, с 1970-х годов претерпевает постоянную деконструкцию. Выжившие свидетели-евреи все чаще стали рассказывать о своем пребывании в лагерях. Фильм Марселя Офюльса "Печаль и жалость" (1969) разрушил представление об однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, показав поведение среднего француза, который если и не сотрудничал с немцами в годы оккупации, то умел с ними договориться. Хотя президент Помпиду запретил показ этого фильма по государственному телевидению, его не без оснований считают началом той фазы памяти о военном времени, которую историк Анри Руссо назвал "разбитым зеркалом". В 1973-м появился французский перевод книги американского историка Роберта Пакстона "Франция в период Виши", который еще в 1964 году проследил историю коллаборационизма по документальным источникам.

Принятый в 1979 г. закон позволил открывать архивы уже через 30 лет, и это резко активизировало историческое исследование режима Виши. Все больше свидетельств коллаборационизма становилось достоянием общественности. Основанные на архивных материалах исследования Анри Руссо "Синдром Виши: С 1944 года до наших дней" (1987) и Эрика Конана "Виши: Прошлое, которое не проходит" (1994), а также открытые историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков способствовали широкому общественному одобрению судебных процессов против военных преступников. В юридическом и в гражданском плане эти процессы против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции имели огромное значение для политического просвещения и культуры памяти в стране.¹³

Другими словами, как убедительно показали современные исследователи, «историческая политика (или политика памяти) в демократических обществах — это намного более широкое явление, чем история на службе политики. Это также нечто большее, чем просто формирование и закрепление нормативного или догматического мировоззрения, поскольку включает в себя передачу самого разного рода воспоминаний и опыта, а также поиск забытых фактов и следов отвергнутых альтернатив. Историческая политика — это еще и тематика научных исследований с целью поиска ответов на вопросы о том, как исторические интерпретации превращаются в политическое противоборство, кто и с какой целью делает это и к чему это приводит».

Проблематика отношений истории и памяти в историографии опирается во многом на рефлексию философов, социологов, антропологов. Например, в своей последней монографии «Память, история, забвение» Поль Рикёр представляет историю и память в плоскости непрерывного взаимодействия. Работа с памятью, по мнению философа, это основное гражданское обязательство историка. Такая работа позволяет превзойти чисто

ретроспективное видение «прошлого» и отыскать «прошлое» как «настоящее, которое уже было», способствуя дефатализации истории.

Другими словами, современные историки озабочены поиском таких способов историописания, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого/настоящего и найти подходы к овладению будущим.¹⁴ Их все больше интересует «не столько генезис, сколько дешифровка того, кем мы больше не являемся»; не столько ушедшее гомогенное прошлое, сколько прошлое, изломанное памятью, которая оттеняется в прерывностях истории. В таких способах написания истории, учитывающих субъективность историка, на первом плане оказывается историография как практика, позволяющая удовлетворить потребность в историческом познании и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что познается.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] H. Bloch, R. Chemama, A. Gallo, P. Leconte, J. F. Le Ny, J. Postel, S. Moscovici, M. Reuchlin et E. Vurpillot (dir.) Grand dictionnaire de la psychologie, Larousse, 1991, nouvelle edition 1994.
- [2] Les cadres sociaux de la memoire, Paris, Albin Michel 1925/1994; М Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- [3] M.Bloch. Memoire collective, tradition et coutume. A propos d'un livre recent //Revue de synthese historique XI (nouvelle serie XIV) 1925, N118-120.
- [4] П. Нора. Всемирное торжество памяти//Неприкосновенный запас 2005, Т 2-3.
- [5] K. Pomian. De l'histoire, partie de la memoire, a la memoire, objet d'histoire// Revue de metaphisique et de moral, n 1, 1998. F. Artog et J. Revel. Les usages politiques du passe. Paris. Editions de l'ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales. 2001.
- [6]Т.Венедиктова. История между Past и Present Perfect. Рецензия на кн.: Феномен прошлого. М.2005// НЛО, 2006. № 80.
- [7] T. Landry. Lieux de pouvoir et micropolitique de la memoire: l'exemple de la Cathedrale du Christ Sauveur a Moscou // Politique et societes (Montreal), 2003 N 22.
- [8] Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. Москва. Круг. 2011; Она же Культурная память и проблемы историописания: историографические заметки//М.: ГУ ВШЭ, 2003. Она же. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. - 2004. N5.Савельева И. М., Полетаев А. В. "Историческая память": к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М, 2005. С. 170-220.
- [9] И.Н.Данилевский. Александр Невский: Парадоксы исторической памяти //"Цепь времен": Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005.
- [10] Круглый стол «История, историки и власть», ИВИ РАН, 2010. <http://www.urokiistorii.ru/memory/conf/2010/03/istoriya-istoriki-vlast-txt> В. А. Шнирельман. Президенты и археология, или что ищут политики в древности/Ab Imperio, 2009, № 1
- [11] П. Хаттон. История как искусство памяти. СПб. 2003. (1993 англ.).
- [12] P. Nora (dir.) Les lieu de memoire. 7 vol. Paris, Gallimard. 1981-1993.
- [13] Ю. Шеррер. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти <http://www.perspektivy.info/book/>
- [14] Шмитт Ж.-К. Овладение будущим // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории. Под ред. Л.П.Репиной. М. 2008.